АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Ж.Т. Тощенко

ПАРАДИГМЫ, СТРУКТУРА И УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», руководитель научной школы «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» (e-mail: mailto:zhantosch@mtu-net.ru)

Аннотация. *В статье дается обобщенное представление о таком компоненте теоретической социологии, как социологическое знание, его основных характеристиках, целостности и завершенности, что предполагает анализ многообразных форм его функционирования, структуры и уровней.*

Ключевые слова*: социологическое знание, социологические теории, социологические школы, классификация социологического знания*

1. Парадигмы как основа методологических стратегий социологии

В настоящее время существуют различные точки зрения на соотношение теории, методологии и методов в структуре социологического знания. Они определяются в зависимости от тех научных принципов, которых придерживаются авторы в исследованиях социальной реальности и которые воплощаются в интерпретации исследуемых ими процессов и явлений. Несмотря на многообразие трактовок исходных положений в социологической науке реально существуют и функционируют три парадигмы и, соответственно, методологические стратегии: ***социологический реализм*** (объект исследования – общество, социальные системы, социальные(ая)

структуры(а), социальные институты) **и *социологический номинализм*** (объект исследования – индивид, личность, человек, социальные группы и общности)[1]. В конце XX в. была обоснована еще одна парадигма, которая стала называться ***конструктивистской***[2]. В соответствии с этими парадигмами структура, уровни и понятийный аппарат каждой социологической стратегии зависит от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно с этого начинается логика построения понятийного аппарата. В зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, исходным понятием выступают или общество или человек как личность, или синтез того и другого и их органическая целостность (см. схему 1). Согласно такой классификации, многообразие имеющихся в социологических работах (трудах, исследованиях) подходов можно соотнести с тремя основными парадигмами.

Схема 1

Парадигмы (методологические стратегии) социологии

Парадигмы	Время возникновения	Предмет науки
Социологический реализм	Середина XIX века	Общество, его структура, социальные системы, социальные институты. В XX в. – все человечество, цивилизации.
Социологический номинализм	Начало XX века	Человек, личность, индивид, социальные общности.
Социологический конструктивизм	Конец XX века	Общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды

Что касается социологического реализма и его ориентации на «общество», то соответствующая традиция восходит к О. Конту, Г.Спенсеру и практически ко всем представителям социологии в XIX в., в том числе отечественным. Постепенно ориентация на общество претерпела ряд изменений, особенно в XX в., что нашло отражение и определенную модификацию в работах Э. Дюркгейма, затем Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и др. Они изучали общество посредством исследования социальных систем, социальных институтов в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Однако как было установлено еще на рубеже XIX – XX вв. (М. Вебер), ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, ибо оно, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность

[1] Подробнее см.: Общая социология ; под ред. А.Г. Эфендиева. – М., 2001. – С. 99–108; *Кравченко, С.А.* Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 3–12.

[2] См.: *Бергер, П., Лукман, П.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995; *Миллс, Ч.Р.* Социологическое воображение. – М., 2001; *Тощенко, Ж.Т.* Социология. Общий курс. – М., 2005. – С. 60–64, 80–84.

объяснить его развитие и функционирование. Это признавал уже Р. Мертон, который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса.

То, что социальные системы, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти системы и общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию Ч.Р. Миллса, А. Гоулднера и особенно французского социолога А. Турена, которые подвергли резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества[1]. Целесообразно учесть еще одно немаловажное обстоятельство: социальные системы и институты – очень «нехороший» объект для сравнительных кросскультурных (международных) исследований: они настолько различны, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации. И наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации – человеку, что предполагает анализ не столько функций социальных систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, и сами «системщики», работающие на эмпирическом уровне, именно так и поступают, апеллируя главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей.

Рассуждения о социальных системах (а под ними стали понимать широкую совокупность общественных процессов, вплоть до человечества в целом, что впоследствии породило глобалистские концепции социологии), оживило никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности или слишком абстрагируются от нее.

Модификация этой парадигмы в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях, социальных институтах как определяющих предмет социологии нашла отражение в работах многих социологов, в том числе российских (советских)[2]. Этот подход отразил попытки найти более приемлемую методологическую стратегию, которая бы в из-

---

[1] См.: *Турен, А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.

[2] См.: *Ядов, В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учебник. – М., 2001; *Осипов, Г.В. и др.* Социология, М., 2003; *Зборовский, Г.Е.* Теоретическая социология. – М.; Екатеринбург, 2007.

вестной степени дистанцировалась от такого предельно широкого понятия, как «общество», и была в то же время связана с эмпирическими исследованиями. Однако, как показало время, трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» и его производных не отвечает на многие вопросы, так как понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности: многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют свой первоначальный смысл. Ведь даже такое классическое понятие, как «социальная структура» постепенно модифицируется, ибо а) многие ее элементы в современной ситуации исчезли(ют); б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные элементы. Такие, казалось бы, классические понятия, как «рабочий», «крестьянин», приобрели «неустойчивость», аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX в. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е гг. (см. работы М.Н. Руткевича, Ф.Р. Филиппова), многие черты сознания и поведения людей из различных страт были ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни людей внутри социально-профессиональных групп могут быть настолько различными, что теряет смысл объединять их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь внутри этих групп существуют огромные различия по материальному достатку, по их месту в системе разделения труда, по их целям, ценностям, потребностям и интересам. Такая ситуация делает их (по существу) не сводимыми к одним и тем же однородным показателям.

В этой связи возникает вопрос: что будет выступать социальной реальностью – профессиональные группы или носители одного (сходного) образа жизни и мировоззрения, но представляющие разные социальные слои и общности? Ответ очевиден: объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и практика их реализации. Стоит отметить и иные точки зрения. В отечественной социологии существование рабочего класса как сохраняющегося феномена обосновывают В.Х. Беленький и Б.И. Максимов, а в американский социолог-марксист Э.О. Райточитат утверждает, что классы существуют благодаря «социальным сетям».

Таким образом, центральное понятие этой парадигмы – общество и его производные – социальная структура, социальные системы, соци-

альные институты – имеют серьезные ограничения при исследовании социальной реальности: использование этого подхода в качестве методологической стратегии не всегда может ответить на злободневные проблемы современности, ибо эти понятия, по сути дела, являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая парадигма и, соответственно, другая методологическая стратегия.

Вторая парадигма и соответствующая ей методологическая стратегия – социологический номинализм, своей предтечей имела идеи Дж.С. Милля, современника О. Конта, который ратовал за психологию индивидуально ориентированной личности. Но наиболее четкое оформление эти идеи стали приобретать в трудах М. Вебера, Дж. Хоманса, Дж. Мида, у представителей русской социально-психологической школы конца XIX – начала XX в. Эта парадигма обращается к человеку, *ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит людям, их деятельности.* Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят личность, считая ее исходным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой наших представлений об абстрактном. В дальнейшем эти идеи были развиты Н. Элиасом, обратившем внимание не только на саму личность, но и на их взаимодействие. Именно анализ такого феномена – «человек в обществе» – позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на человека все больше и больше усиливается. В современной социологии эта тенденция находит отражение в работах А. Турена, З. Баумана, П. Бергера[1]. На феномен взаимодействия как коммуникацию обратил внимание Ю. Хабермас. Показательно, что такой известный политический деятель и ученый, как З. Бжезинский убежден, что человечество все больше сталкивается с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми» (1999).

Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», шведский социолог П. Монсон в этой связи поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично – в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой»[2].

---

[1] См.: *Турен, А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998; *Бауман, З.* Индивидуализированное общество. – М., 2002; *Бергер, П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. – М., 1996.

[2] *Монсон, П.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. – М., 1995. – С. 34.

В течение XX в. многие социологи стремились устранить противоречивость методологической базы вышеназванных парадигм, осуществляли попытки преодолеть деление социологии на объективно-предметный и субъективно-ценностный подход. Даже Парсонс, ориентируясь на общество как определяющее понятие, уделил большое внимание влиянию и роли социальных действий. Во второй половине XX в. эти намерения преодолеть крайности – соединить макро- и микроподход, объективистский и субъективистский подход – осуществляли П. Бурдье, Н. Луман, отчасти М. Арчер, в последние годы П. Штомпка. Среди отечественных исследователей этот прием осуществила Н.Н. Козлова, в трудах которой с наибольшей полнотой нашла отражение концепция повседневности.

Однако эта методологическая стратегия не объясняет тот социальный факт, *как человек, люди «попадают» в эти социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования*. Ведь явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. Это положение никаким образом заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. Стоит также отметить, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии (феноменологическая социология, драматургическая социология, этнометодология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.)

Поэтому наряду с вышеназванными парадигмами, в социологии постепенно происходит становление еще *одной парадигмы и соответствующей методологической стратегии – социологического конструктивизма,* учитывающего взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтнологической ориентациями и ориентированными на рассмотрение объекта и предмета социологии в единстве объективных условий и субъективных факторов. Предтечей этой методологической стратегии была концепция Маркса, пытавшегося осуществить синтез общественной среды и роли человека в историческом процессе, а затем в работах Г. Зиммеля с его концепцией эволюции, социально-культурного развития, интеллектуализации общества и развития товарно-денежных отношений. Одним из проявлений этой методологической стратегии стала **концепция социологии жизни**, зачатки которой проявили себя еще в XIX в., но не привлекли в то время особого внимания. Еще Жан Мари Гюйо (1854–1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии была провозглашена реальная жизнь. В соответ-

ствии с этим представлением он считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. К сожалению, эта точка зрения не получила дальнейшего развития, хотя отдельные положения этого подхода получили отражение в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), в теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме (Дж. Мид) и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни – ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития. Тем не менее среди социологов XX в. эту направленность на интеграцию объективных и субъективных компонентов стали разделять все больше и больше представителей социологической науки. «Идеи и культуры не меняют ход истории – по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном обосновании – толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов»[1]. Еще большую определенность на ориентацию на творческую деятельность человека как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс*, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ».* Его концепция стуктуризации, осуществляемая агентом, есть снятие противостояния личности и общества[2].

Русская социология в XIX – начале XX в. во многом характеризовалась тем, что ей была присуща гуманистическая направленность – обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе, создателю новой реальности. Отражая эту тенденцию, объектом изучения социологов становилась все большая группа вопросов, характеризующих состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо и, прежде всего, при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни, что отметил еще в начале XX в. А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания»[3].

---

[1] *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1998; *Bell, D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in Fifties. – N.Y., 1962.

[2] См.: *Гидденс, Э.* Социология. – М., 2001. – С. 148.

[3] *Богданов, А.* Из психологии общества. – СПб., 1906. – С. 57.

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия в определенной степени разделяется Ю.Г. Волковым, С.А. Кравченко, С.И. Григорьевым, И.М. Поповой[1]. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропосоциетальный подход, обоснованный Н.И. Лапиным[2]. Отмечу поиск в этом направлении Ю.М. Резника[3]. В более обобщенном виде эта парадигма нашла отражение в работах автора. Его исследования в центр внимания ставят ***сознание и поведение*** человека, его отношение и реакцию на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной группы, представителя определенного общества, нередко в его парадоксальном развитии. Но этим не ограничивается данная концепция – она предполагает одновременный анализ деятельности в условиях определенной ***общественной среды*** (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Все это образует концепцию ***социологии жизни***, которая органически сочетает в себе субъективные факторы и объективные условия, органическое сочетание взаимоотношений общества и человека. Говоря словами Бергера, суть социологии – «*человек в обществе, общество для человека*»[4]. Именно это образует предмет социологической науки.

Следует добавить и то, что социология (как и любая другая наука) призвана прежде чем предлагать свои модели, сначала изучить фрагменты, части объективной реальности. В самом деле, мы в реальной жизни встречаемся не со структурами, а с сознанием и поведением людей, через которые мы выходим на анализ различных форм организации общественной жизни – институциональный, стратификационный, управленческий и др. Все это позволяет сделать вывод, что в конструктивистской стратегии, выраженной в ***концепции социологии жизни, преодолеваются крайности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надиндивидуальностью и в то же время измеряя ее посредством сознания, поведения и окружающей среды.***

2. Структура социологического знания

Анализ структуры социологического знания позволяет охарактеризовать содержание любой парадигмы, так как каждая из них не может быть

---

[1] См.: *Тощенко, Ж.Т.* Социология. – М., 2005; *Волков, Ю.Г. и др.* Социология. – М., 1999; *Григорьев, С.И.* Неклассическая социология. – Барнаул, 2001; *Попова, И.М.* Социология. – Киев, 2000.

[2] См.: *Лапин, Н.И.* Общая социология. – М., 2006.

[3] См.: *Резник, Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. – М., 2001.

[4] Цит. по: *Бауман, З.* Мыслить социологически. – М., 1996. – С. 7–25.

представлена в виде некоей аморфной информации, не имеющей определенности, завершенности и соответствующих (пусть и условных) границ. Это вызывает потребность в более обстоятельном анализе его структуры, уровней, особенностей и специфики. Учитывая особенности представлений о нем в западноевропейской и американской социологии, сосредоточим внимание на идеях и предложениях отечественных социологов.

Во-первых, как может показаться странным, есть немало таких произведений, особенно учебников, где такой вопрос не ставится и не обсуждается.

Во-вторых, структура социологического знания сводится только к ее делению на макро- и микросоциологию, что в общем не вызывает сомнения, но и ничего принципиально нового не открывает[1].

В-третьих, имеются предложения структурировать социологическое знание через анализ всех направлений научной мысли, включая и естественнонаучное знание, находя в ней место социологии[2].

В-четвертых, структура сводится к обзору существовавших и существующих научных школ в социологии, которые объявляются парадигмами[3].

В-пятых, во многих работах, наряду с макро- и микросоциологией, нередко подробно анализируется теоретическая и эмпирическая социология[4].

В-шестых, в концепциях отечественных исследователей продолжает существовать трехуровневая интерпретация социологии, восходящая к Р. Мертону с его знаменитой формулировкой о теориях среднего уровня[5].

И наконец, следует отметить немногочисленные попытки рассмотреть структуру социологического знания по нескольким основаниям, что позволяет более полно представить многообразие ее содержания[6].

Таким образом, структура социологического знания определяется в зависимости от тех методологических принципов, которые применяются в исследованиях социальной реальности. В социологии обосновываются различные виды ее классификации в зависимости от тех подходов, которые применяет исследователь для познания социальной реальности. Есть предложения определять структуру социологии с учетом всего научного

---

[1] См.: *Козлова, О.Н.* Социология. – М., 2004.

[2] См.: *Кравченко, А.И.* Социология. – М., 2001. – С. 49–54.

[3] См.: *Волков, Ю.Г.* Социология. – М., 1999. – С. 35–38.

[4] См.: *Кравченко, С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2002.

[5] См., например: *Руткевич, М.Н.* Метасоциология. – М., 1998.

[6] См.: *Осипов, Г.В.* Социология. – М., 2008; Рабочая книга социолога ; под ред. Г.В. Осипова. – М., 2003.

знания, когда в объяснение ее содержания вовлекается знание, накопленное всеми науками (А.И. Кравченко) или социальными и гуманитарными науками (О.Н. Козлова). Мы же исходим из того, что *структурируется только то знание, которое называется социологическим, а также то знание, которое рождается в процессе взаимодействия с другими социальными науками.*

При ответе на данный вопрос структура социологического знания может рассматриваться: *во-первых, как теоретическая и эмпирическая социологии, а во-вторых, как фундаментальная и прикладная, в-третьих, по объектно-предметному принципу* (см. схему 2).

Схема 2

Структура социологического знания

Структура	Методы исследования	Назначение исследований	Наименование социологических дисциплин
Теоретическая и эмпирическая социология	Общенаучные и специальные социальные методы	Обогащение теории	Теория, методология и история социологии
Фундаментальная и прикладная социология	Социологические и статистические методы познания	Обогащение научного знания и способов решения существующих общественных проблем	Отраслевые и специальные социологические теории
Макро- и микросоциология	Историко-логические, системные и эмпирические методы познания	Обогащение научного знания и решение глобальных и локальных проблем	Метасоциология и методика социологических исследований

Что касается первой классификации социологического знания – теоретическая и эмпирическая социология, то основное принципиальное утверждение состоит в том, что обосновывается и разрабатывается базовый, исходный уровень социологического знания – теория и методология, сосредотачивающие свое внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее категориального и понятийного аппарата, закономерностей (тенденций) развития как социальной реальности, так и самой социологии, ее функций, места среди других наук. В рамках этого анализа привлекается и исторический материал (история социологии), который показывает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также уточнение места социологии в структуре социального и гуманитарного знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспособляется) теоретическое знание других наук в том отношении, как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологического знания.

Важнейшей характеристикой, составной частью теоретической социологии является методология и методы познания социальной действительности. Во-первых, она использует логический метод, когда из совокупности имеющейся информации выводится непротиворечивое, последовательное знание.

Во-вторых, она опирается на исторический метод, онтологию, когда определяется генезис знания, категорий и понятий.

В-третьих, она руководствуется методами системного анализа, когда учитывается совокупность как основных, так и опосредованных связей.

Наконец, она применяет статистические и математические методы, которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции развития общественной жизни[1].

Назначение теоретической социологии состоит в том, чтобы, опираясь на накопленное научное знание, осуществить типологизацию и классификацию имеющейся (накопленной) социальной информации. Она включает в себя и *гипотетическое знание*, которое в дальнейшем может быть подтверждено или опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей (законов), тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки.

Парной категорией (контрагентом) теоретического знания выступает эмпирическая социология, которая характеризует специфическую форму социальной информации. Данная информация может иметь *упорядоченный характер* (т. е. полученная с помощью научных методов) и *стихийный характер*, когда данные накапливались неупорядоченно, по мере осуществления деятельности субъектов исторического процесса самым разнообразным образом. В последнем случае информация приобретает ценность как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий, а фиксация фактов нередко имеет прикладное, утилитарное значение.

Что касается *форм эмпирической социальной информации*, то она выражается в виде статистических и социологических данных, документов, публикаций, сведений личного характера (письма, дневники, воспоминания) и т. д., которая для того, чтобы играть роль в познании, нуждается в научной (теоретической) интерпретации, объяснении, описании. Здесь уместно сказать, что если социологию представить в виде суммы текстов, то 80–90% из них составят отчеты, первичные документы, записки, варианты осмысления проведенных исследований, различные статистические и социологические (в основном эмпирические) данные.

---

[1] Подробнее см.: Теоретическая социология : в 4 т. ; под ред. Ю.Н. Давыдова. – М., 1994–1999; *Култыгин, В.П.* Классическая социология. – М., 2000; *Девятко, И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М., 2003.

Характер и формы эмпирической социологической информации определяют *методы ее получения* – опросы, интервью, контент-анализ, экспертные оценки и т. д. Эмпирическое знание, таким образом, представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Что касается классификации социологического знания на фундаментальную и прикладную социологию, то она призвана ответить на вопрос: каков способ не только получения, но и решения актуальных проблем, ставших предметом социологической науки. Причем и в том и в другом случае присутствуют и теоретическое и эмпирическое знание, хотя их пропорция и соотношение серьезно разнятся. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены эти обе группы задач: наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического уровня может рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в социологическую науку общесоциологических и конкретных исследований в качестве двух уровней единого знания.

Основной вывод состоит в том, что различие между теоретической и эмпирической классификацией, с одной стороны, фундаментальной и прикладной, с другой, состоит в следующем: первая – характеризует способ (методы) познания действительности, вторая – способы и методы не только познания, но и решения научных проблем. Поэтому эти классификации не следует противопоставлять друг другу, нивелировать их по принципу выше – ниже, богаче – беднее. Вместе с тем научный подход базируется в первую очередь на теоретическом осмыслении, которое постоянно обогащается эмпирической информацией, особенно если она получена в ходе фундаментальных исследований. Важное место в социологической теории отводится категориальному и понятийному аппарату, уточнению их интерпретации как в свете накопленных данных, так и новой информации, поставляемой эмпирической социологией. Причем, следует подчеркнуть, что особенно плодотворно рассматривать взаимосвязь фундаментальных и прикладных аспектов социологии в рамках отраслевых и специальных социологических теорий.

И наконец, стоит остановиться на еще одной классификации: существуют концепции, которые рассматривают социологию *как макро- и микросоциологию*. Если первую интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование

и изменение, то микросоциология обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков.

Ряд исследователей обращает внимание на необходимость теоретического осмысления метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, закономерности ее развития. В литературе синонимом метасоциологии является *социология социологии* и *рефлексивная социология*. Теоретическое знание не только не исключает, а обязательно предполагает анализ познавательных возможностей социологии, ее концепций, взглядов, обобщений и парадигм, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований.

3. Уровни социологического знания

Социологическое знание может быть представлено по уровню и степени осмысления всего объекта и предмета социологии или одной из их сторон, частей, фрагментов. Это говорит *еще об одной классификации социологического знания – по его уровням, который отражает объектно-предметный принцип познания*. Этот принцип предполагает несколько уровней анализа (см. схему 3).

Схема 3

Уровни социологического знания

Уровни (иерархия)	Объект исследования	Наименование социологических дисциплин
Общесоциологические теории	Социальная реальность во всем ее разнообразии	Классическая, современная, социологические школы
Отраслевые социологические теории	Основные сферы жизни общества	Экономическая, политическая социологии, социальная структура, социология духовной жизни
Специальные социологические теории	В рамках экономической социологии – труд, рынок, город, село и т. д. В рамках социальной жизни – социальная структура, этносы, молодежь и т. д. В рамках политической социологии – государство, общественные организации, право, армия и т. д. В рамках духовной жизни – образование, наука, культура, СМИ, религия и т. д.	В экономической социологии – социология рынка, социология труда, социология города и села и т. д. В социальной структуре – этносоциология, социология молодежи, социология семьи и т. д. В политической социологии – социология власти, социология партий и общественных движений, социология армии. В социологии духовной жизни – социология образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства

Таким образом, социологическое знание, во-первых, представлено общесоциологическими теориями, которые отражают и выражают методологические стратегии. В зависимости от них вырабатываются некие обобщающие теоретические концепции, которые обосновывают формы и методы познания социальной реальности во всем многообразии ее общественных связей. Согласно этому подходу объектом и предметом анализа может выступать или общество, или человек, или их соединение, что находит отражение в различных социологических парадигмах. В свою очередь, эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество общесоциологических теорий резко возрастает. Так, некоторые исследователи (Э. Гидденс, Дж. Александер, Ю.Г. Волков) считают, что все существующие школы в социологии имеют свои стратегии или подходы, выражающиеся в постановке ряда принципиальных методологических вопросов.

Во-вторых, следующий уровень образуют отраслевые социологические теории (иногда их называют обобщающими) – экономическая и политическая социологии, социология социальной и духовной сфер жизни общества, которые направлены на анализ не всего общества в целом (как в первом случае), а его основных сфер – экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (см. труды В.С. Барулина, Г.С. Арефьевой, В.П. Рожина и др.) и связано с определенными видами деятельности – трудовой (производственной), социальной (в узком смысле этого слова), политической и культурной (духовной).

Что касается *экономической социологии* (см. работы Т.И. Заславской, В.В. Радаева, Г.Н. Соколовой, В.И. Верховина, И.В.Рывкиной и др.), то в ее рамках исследуются социальные проблемы экономической жизни общества, посредством изучения сознания людей и соответствующего типа поведения, связанных с реализацией целей и задач общественного производства, с процессом удовлетворения потребностей и интересов людей в условиях функционирования социально-экономических отношений.

Обращаясь к другой сфере общества, к *социальной жизни* (см. работы Ю.В. Арутюняна, Г.И. Осадчей, М.Н. Руткевича, В.Н. Иванова, З.Т. Голенковой, О.И. Шкаратана и др.), следует отметить, что социология в этой сфере изучает такие важнейшие и принципиальные проблемы, как социальная структура во всем ее многообразии, социальные процессы и институты, социальные общности. В ее рамках исследуются предпосылки, условия и факторы превращения классов, социальных слоев и групп в субъекты созидательной деятельности.

Политическая социология изучает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию: политические (классовые, групповые) интересы, которые базируются на (и исходят из них) воле, знаниях и действиях, методах и формах выражения политической деятель-

ности человека, классов и социальных групп и обращена ко всему спектру чувств, мнений, суждений и отношений людей к процессам функционирования властных организаций, что позволяет представить пути функционирования государственности, выявить болевые точки развития политической жизни (см. работы И. Валлерстайна, А. Вевёрки, Е. Вятра, А.В. Дмитриева, В.Э. Бойкова, В.Д. Виноградова, Н.А. Головина, М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги и др.). К проблемам политической социологии относятся деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы в новых общественных условиях, способность оперативно откликаться на то или иное развитие событий. И наконец, объектом социологии в сфере политики является политическое сознание, анализ его реального состояния, функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения прогрессивных целей.

Четвертой по счету, но не по значению, обобщающей специальной социологической теорией является социология *духовной жизни* общества, исследующей деятельность по освоению имеющихся культурных ценностей, созданию новых, распределению и потреблению накопленных (см. работы М. Арчер, О.Н. Козловой, А.И. Шендрика, Л.Г. Ионина, Л.Н. Когана, С.Н. Иконниковой и др.). Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным. Поэтому так важно определить основные его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести процесс социализации личности, образование, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку. Сквозным для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектами главного интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

Наконец, к отраслевым социологическим теориям относится *социология управления* (см. работы Ю.П. Аверина, Е.М. Бабосова, Ю.Д. Красовского, В.В. Щербины, А.В. Тихонова, М.В. Удальцовой и др.). Она связана с решением особого класса задач – использованием механизма регулирования социальных процессов – и поэтому может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления неких общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств. Кроме того, она может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей

В-третьих, существуют специальные социологические теории, предметом исследования которых являются общественные процессы и явления, их специфические связи с другими явлениями и процессами, которые в своей целостности являются неотъемлемой составной частью той или

иной сферы общественной жизни. Они рассматривают не глобальные взаимодействия, а характерные связи в рамках конкретной сферы общественной жизни. Иначе говоря, каждая из системных (обобщающих, отраслевых) социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий, которые нацелены на изучение таких процессов, которые образуют социально-экономические явления: социологию труда, социологию рынка, социологию города и села, демографические и миграционные процессы и т. д.

В этом же смысле в рамках социальной жизни и соответствующей социологии изучается социально-профессиональная и поселенческая структуры, этносоциология, социология молодежи, семьи и т. д. В свою очередь, политическая социология состоит из таких теорий, как социология власти, политических партий и общественных движений, социология права (хотя некоторые исследователи выделяют ее в самостоятельную научно-прикладную теорию), военная, социология международных отношений. Что касается социологии духовной жизни, то она представлена социологией образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства.

Для возникновения и становления как отраслевых, так и специальных социологических теорий необходимо выполнение, по крайней мере, двух условий: 1) чтобы эти теории обладали собственным самостоятельным и относительно замкнутым понятийным аппаратом, характеризующим сущность и специфику исследуемых реальностей; 2) чтобы имелась общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т. е. в изучении специфических связей между этим явлениями и обществом как совокупностью всех общественных отношений.

Сегодня в социологии в большей или меньшей степени оформлено свыше 50 основных отраслевых и специальных социологических теорий. Их положение все еще полностью не осмыслено и с точки зрения перспектив социологии, и с точки зрения общественных потребностей. Анализ их места в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют непосредственное значение как для понимания места, роли и функций социологической науки, так и для повышения эффективности и качества исследований.

Отраслевые и специальные социологические теории соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе конкретных исследований. Они представляет собой единство теоретического знания (или теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики.

Особо подчеркнем, что если в социологии более, чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпирию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

В-четвертых, наряду с отраслевыми и специальными социологическими теориями существуют частные (вспомогательные) концепции, объектом изучения которых выступают конкретные, отдельные явления и процессы, производные от более «объемных» процессов и социальных феноменов. Такими объектами исследования являются, например, в рамках социологии образования – высшее или дошкольное образование, в рамках социологии молодежи – молодежные движения, группы по интересам и т. д. Такая детализация вышеупомянутых теорий не вызывает возражения; кроме одного: изучение многих частных явлений нередко тоже называют «социологиями», в результате чего возникает дурная бесконечность, которой нет предела. И в социологии стоит применить принцип бережливости, названый «Бритвой Оккама», согласно которому сущности не должны умножаться без необходимости. Исходя из этого принципа в этой ситуации следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термин «социология».

В заключение стоит отметить, что в социологии долгое время господствовала (и сейчас ее придерживаются некоторые ученые) так называемая теория среднего уровня, которую обычно связывают с именем Р. Мертона. Этот типичный прием, весьма характерный для американской социологии, возник под мощным влиянием прагматических потребностей. В нашей стране этот подход прижился после частичной реабилитации социологии в 1960-е гг., но весьма своеобразно. Он олицетворял компромисс между официально утверждаемой концепцией об историческом материализме как общесоциологической теории и стремлением все же выделить «свою» социологическую теорию, которая долгое время камуфлировалась под так называемый среднеуровневый срез. Но такой подход, как справедливо отмечал А.В. Кабыща, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее разделов.

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, то ему не оказывалось в ней места, так как ее теории являются теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Так каково же их соотношение с теоретической социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали третий, согласно Мертону, уровень), не означает ли это, что эмпирия не имеет достойного научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Такое структурирование вызвало самые серьезные возражения со стороны многих социологов, в частности, одного из крупнейших социологов современности – П. Бурдье. Он обвинил в сговоре таких известных ученых,

как Т. Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р. Мертон, монополизировавший представление о «сренем уровне», и П. Лазарсфельд, представляющий методы изучения на уровне эмпирии. По мнению Бурдье, это идеологическое господство, раздел сфер влияния позволяет навязывать свою концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами. Очевидно, что *трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности*. Кстати, анализ материалов Международных социологических конгрессов (в частности последнего, XVI, состоявшегося в ЮАР в 2006 г.) показывает, что этот принцип уже не соблюдается.

Таким образом, современная структура социологического знания состоит из нескольких классификаций социологических теорий, подразделяющихся на а) теоретическую и эмпирическую; б) фундаментальную и прикладную; в) макро- и микросоциологию; г) по уровням, включающим в себя общетеоретические, отраслевые, специальные и вспомогательные социологические теории и концепции.

Список литературы

Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.

Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1998.

Бергер, П., Лукман, П. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

Богданов, А. Из психологии общества. – СПб., 1906.

Волков, Ю.Г. и др. Социология. – М., 1999;

Гидденс, Э. Социология. – М., 2001.

Григорьев, С.И. Неклассическая социология. – Барнаул, 2001.

Зборовский, Г.Е. Теоретическая социология. – М.; Екатеринбург, 2007.

Козлова, О.Н. Социология. – М., 2004.

Кравченко, А.И. Социология. – М., 2001.

Кравченко, С.А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2002.

Лапин, Н.И. Общая социология. – М., 2006.

Монсон, П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. – М., 1995.

Осипов, Г.В. Социология. – М., 2008.

Попова, И.М. Социология. – Киев, 2000.

Резник, Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. – М., 2001.

Руткевич, М.Н. Метасоциология. – М., 1998.

Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.

Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учебник. – М., 2001.

© Тощенко Ж.Т., 2009

И.Н. Барциц

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

БАРЦИЦ Игорь Нязбеевич – доктор юридических наук, профессор, проректор РАГС, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы (e-mail: bartsits@ur.rags.ru)

Аннотация. *В статье анализируются возможности и пути развития правового потенциала государственного управления, внедрения новых информационных технологий и международных стандартов в систему государственного управления России.*

Ключевые слова: *государственное управление, эффективность и критерии государственного управления, государственные услуги, административные процедуры.*

Управление на основе права – так видится юристам основная формула современного государственного управления. «Уроки истории и современный опыт учат: от эффективного правового обеспечения управления во многом зависят результаты управленческой деятельности, а следовательно, и развития экономики и социальной сферы». Этот бесспорный посыл Ю.А. Тихомирова из предисловия к книге «Управление на основе права»[1] тем не менее не отрицает дискуссии о степени воздействия права и его норм на обеспечение эффективности управления. Сегодня становится все более очевидной неизбежность признания опасности чрезмерного правового регулирования. Увлечение правотворчеством порождает убеждение в пользе абсолютной правовой регламентации. Но это не так.

В качестве приоритетных задач реформирования системы государственного управления в России выделены проблемы повышения эффек-

[1] См.: *Тихомиров, Ю.А.* Управление на основе права. – М., 2007. – С. 8.